Роман Ра

Бумеранг

18+

Роман Ра

Бумеранг

«Автор»
2026

Ра Р.

Бумеранг / Р. Ра — «Автор», 2026

Бумеранг - 8 историй из жизни, основанных на реальных событиях. О том, что расплата за плохое неизбежна, и все возвращается на круги своя.

© Ра Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Бумеранг 5
Роковая влюбленность в преподавателя 6
Красота внутри 10
Мнимая шизофрения 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Роман Ра
Бумеранг

Бумеранг
8 историй из жизни, основано на реальных событиях

Автор: Роман Ра

Роковая влюбленность в преподавателя

Фото: freepik

Летний зной плавил асфальт перед главным корпусом университета, но в старой лекционной аудитории № 302 пахло прохладой, пыльными фолиантами и едва уловимым ароматом...Читать далее

Летний зной плавил асфальт перед главным корпусом университета, но в старой лекционной аудитории № 302 пахло прохладой, пыльными фолиантами и едва уловимым ароматом дорогого парфюма с нотками кедра.

Алина Кострова сидела на третьем ряду, подперев подбородок ладонью, и практически не вела конспект. Алина была девушкой впечатлительной, с огромными серо-зелёными глазами, в которых вечно читалась какая-то скрытая драма, и копной непослушных каштановых волос.

В свои девятнадцать она верила в знаки судьбы, вещую силу снов и романтику «на всю жизнь». Объектом этой романтики уже полгода как стал Павел Андреевич Вершинин — тридцатипятилетний доцент кафедры зарубежной литературы.

Павел Андреевич был человеком редкого обаяния. Высокий, подтянутый, с лёгкой, едва заметной проседью на висках и умным, проницательным взглядом за стёклами тонких очков, он завораживал весь курс. Но к Алине у него было особое отношение. Он часто вызывал её к

доске, подолгу обсуждал с ней курсовую в пустой аудитории, а его случайные прикосновения, когда он передавал ей проверенную тетрадь, заставляли сердце девушки пропускать удары.

— Вы очень тонко чувствуете трагизм Байрона, Алина, — негромко сказал Вершинин, задерживая взгляд на её лице чуть дольше, чем позволяли приличия. На его пальце тускло поблёскивало гладкое золотое кольцо. — У вас редкий дар сопереживания.

— Мне просто... близко то, о чём он пишет, Павел Андреевич, — прошептала Алина, чувствуя, как краснеют щёки.

— Это прекрасно, — улыбнулся он, и в его глазах мелькнула странная, затаённая грусть. — Но не сгорайте в чужих страстях. Берегите себя.

Такие двусмысленные фразы, долгие взгляды и особенная мягкость в его голосе сводили Алину с ума. Она знала, что он женат. Знала, что его жена, Елена, была какой-то тихой, болезненной женщиной, которую никто в университете толком не видел. Но страсть, охватившая студентку, заглушала голос разума.

В мае Алина приехала на выходные к бабушке в деревню. Разбирая старый комод на чердаке, она наткнулась на пожелтевшую тетрадь в плотном картонном переплёте. Страницы были исписаны от руки аккуратным, старинным почерком с ятями. Это был сборник деревенских заговоров и приворотов.

«На тоску смертную», «Чтобы раб Божий мыслию лишь к тебе тянулся», «Присушка на ветер».

Алина, ведомая своей иррациональной верой в мистику и отчаянием от приближающихся летних каникул, когда она не увидит Павла целых три месяца, забрала тетрадь в город.

Каждую полночь июня она открывала форточку своей комнаты на девятом этаже, вглядывалась в ночные огни города и, ловя губами прохладный ночной воздух, шёпотом читала слова из пожелтевшей тетради.

— Как ветер за окном воет, так и душа раба Божьего Павла по мне выть будет. Ни с кем ему сна не знать, ни с кем покоя не сыскать, пока ко мне, рабе Алине, шаг не ступит. Слово моё крепко, как камень, — шептала она, сжимая в кулаке украденную с кафедры шариковую ручку преподавателя.

Ей казалось это невинной игрой, отчаянным призывом любви, ментальным мостом между ними.

Алина считала дни до сентября. И вот, первый учебный день. Она влетела в университет, сияя от предвкушения, и сразу побежала к расписанию. Первой парой стояла зарубежная литература.

Алина заняла своё любимое место. Дверь открылась, и вошёл Вершинин. Но это был совсем другой человек.

Он страшно похудел. Лицо осунулось, под глазами залегли тяжёлые чёрные тени, а идеальный прежде костюм сидел на нём как на вешалке. В его движениях не осталось прежней грации — он двигался как робот. Главное — на его руке больше не было кольца.

Лекция прошла в гробовой тишине. Его голос, обычно сочный и глубокий, звучал сухо и монотонно. После звонка Алина, не помня себя от тревоги, дождалась, пока все выйдут, и подошла к его столу.

— Павел Андреевич... — тихо позвала она. — Что с вами? Вам плохо?

Он медленно поднял на неё глаза. В них не было прежнего тёплого огонька. Только бесконечная, выжженная пустыня.

— Всё в порядке, Кострова. Просто... тяжёлое лето.

— Павел Андреевич, я же вижу...

Вершинин горько усмехнулся, глядя куда-то сквозь неё.

— Моя жена умерла в июле, Алина. Внезапная остановка сердца. Врачи сказали — синдром апноэ, просто уснула и не проснулась. Извините, мне нужно идти на кафедру.

Он собрал бумаги и вышел, оставив Алину стоять посреди пустой аудитории. Воздух вокруг неё словно застыл, превратившись в лед. В ушах набатом застучали её собственные ночные слова: «Ни с кем ему сна не знать, ни с кем покоя не сыскать... Слово моё крепко».

Их роман так и не случился. Вершинин через месяц уволился из университета и уехал в другой город, оборвав все связи. Алина замкнулась в себе, с трудом окончила вуз и постаралась забыть тот страшный учебный год как кошмарный сон.

Алине исполнилось двадцать девять. Она стала успешным редактором в крупном издательстве, внешне — уверенная в себе, ухоженная женщина с элегантным каре. Мужчины обращали на неё внимание, но личная жизнь не складывалась. Все романы распадались через пару месяцев без видимых причин.

Каждую ночь, ложась в постель, Алина смотрела на окно. И с каждым годом внутри неё рос и разбухал тёмный, липкий ком.

Мучительное чувство вины.

Оно пришло не сразу, а подтачивало её изнутри постепенно, как капля воды точит гранит. Сначала она убеждала себя: «Это совпадение. Магия — глупости для подростков. У Елены были проблемы со здоровьем». Но память безжалостно подкидывала детали: тетрадь, заговоры на сон и дыхание, внезапную смерть женщины именно в тот месяц, когда Алина исступленно читала привороты у открытого окна.

Однажды дождливым октябрьским вечером Алина сидела в маленьком кафе. Напротив неё сидела её близкая подруга, Марина.

— Аля, на тебе лица нет в последнее время, — Марина обеспокоенно дотронулась до её руки. — Ты бледная, похудела. Что происходит? Опять бессонница?

Алина посмотрела в окно, по которому стекали струи воды, похожие на слёзы. Больше молчать она не могла. Этот секрет выжигал её изнутри.

— Марина... Я, кажется, убийца, — выдохнула Алина. Голос её дрожал.

Марина нервно рассмеялась:

— Что за глупости? Ты мухи не обидишь.

— Помнишь, в универе я была влюблена в Вершинина? — Алина подняла на подругу полные слёз глаза. — Я не рассказывала тебе... Я нашла книгу. Старую книгу с заговорами. Я привораживала его каждую ночь. Я просила, чтобы он не мог спать с ней, чтобы всё его существо тянулось ко мне, чтобы их связь разорвалась. И его жена умерла во сне. Понимаешь? Из-за меня. Я сломала чужую жизнь ради своей эгоистичной прихоти.

Марина вздохнула, её лицо стало серьёзным и сочувствующим.

— Аля, милая. Ты взрослая, умная женщина. Какая магия? Это было трагическое совпадение. У людей останавливаются сердца. Сердечная недостаточность, тромбы... Ты не можешь винить себя за подростковые глупости.

— А если это работает? — Алина почти сорвалась на крик, но вовремя осеклась, заметив, что на них оборачиваются. — Ты не понимаешь, это чувство... оно караулит меня каждую ночь. Стоит мне закрыть глаза, я вижу его лицо тогда, в сентябре. Из-за моей «любви» он потерял близкого человека. Я прокляла его, понимаешь? И себя прокляла.

Марина обняла её за плечи, но Алина знала — никто не сможет ей помочь. Никакие логические доводы не могли заглушить этот тихий, страшный голос в её голове, который шептал: «Ты получила то, что просила. Какова цена?»

Она шла домой под проливным дождём, зная, что сегодня ночью снова не уснёт. Тетрадь она давно сожгла, но слова заговора навсегда запечатлелись в её памяти, став её собственным, пожизненным приговором.

Красота внутри

Фото: freepik

Раннее октябрьское солнце едва пробивалось сквозь густой утренний туман, когда Алёна сидела на подоконнике школьного туалета. Ей было пятнадцать, и этот подоконник был её единственным убежищем.

Она смотрела в мутное стекло, прижимая пальцы к губам. Верхние зубы — крупные, неровные, находившие один на другой — упрямо выпирали вперёд, как бы сильно она ни сжимала челюсти.

Из-за этого её лицо всегда казалось испуганным, беззащитным. Но если бы кто-то дал себе труд заглянуть ей в глаза, он бы поразился: огромные, каштановые, полные затаённой нежности и какой-то древней, недетской мудрости.

Дверь с грохотом распахнулась. В туалет, шурша дорогими куртками и облаком приторных духов, вошли они.

Карина — признанная королева класса. Высокая, с идеальной осанкой, фарфоровой кожей и смоляными волосами до поясницы. Её красота была безупречной, но холодной, словно высеченной из льда.

Рядом, как верная тень, семенила Кристина — миниатюрная блондинка с пухлыми кукольными губами и живыми, бегающими глазками, которая панически боялась потерять расположение Карины и потому была втрое язвительнее.

— О, гляди-ка, Крис, наше местное чудовище опять прячется в темноте, — Карина даже не посмотрела на Алёну напрямую, она разглядывала её отражение в зеркале, подкрашивая и без того идеальные губы.

— А что ей ещё делать? — Кристина противно захихикала, облокотившись на раковину. — На свету ведь люди пугаются. Алён, ты бы хоть намордник носила, что ли. Или забор вокруг рта построила. Честное слово, на тебя смотреть больно.

Алёна сжалась, втянув голову в плечи. Голос её дрожал, но она попыталась защититься:

— Зачем вы так?.. Я ведь вам ничего плохого не сделала.

Карина резко повернулась, её тёмные глаза сузились:

— Твоё существование — уже плохой тон, Алёна. Знаешь, есть люди первого сорта, а есть... брак. Вот ты — визуальный брак. Кристин, представь, это ведь чудо природы никогда в жизни никто не поцелует. Кому захочется напороться на эти клыки? Ты умрёшь в пустой квартире, поняла? Никому не нужная.

— Точно! — поддакнула Кристина, гордо вскинув подбородок. — Мы вот с Каринкой после школы в Москву уедем, у нас будут любящие мужья, красивые дети, обеспеченная жизнь. А ты так и будешь сидеть в своём углу и плакать. Скажи «спасибо», если тебя вообще дворником возьмут с таким лицом.

Алёна ничего не ответила. Слёзы жгли глаза, но она изо всех сил держала их, пока девчонки, громко смеясь, не вышли из туалета. Только тогда она дала волю рыданиям, уткнувшись в колени. Ей казалось, что её жизнь действительно проклята.

Прошло двадцать лет. Время — странный художник: оно стирает внешнюю позолоту и обнажает то, что скрыто внутри.

Субботний полдень в центральном парке был наполнен шуршанием золотой листвы и детским смехом. На скамейке у старого фонтана сидели две женщины. В них с трудом можно было узнать прежних школьных звёзд.

У Карины на лице застыло выражение вечного недовольства, глубокие складки у рта делали её лицо суровым и злым. Она сделала хорошую карьеру в банке, но её властный, эгоистичный характер выжигал вокруг всё живое — мужчины уходили от неё один за другим, не выдерживая постоянных упрёков.

Кристина сильно изменилась, её некогда кукольное личико поплыло, а в глазах поселилась суетливая тоска одиночества. Она перебивалась случайными романами и всю себя растратила на погоню за уходящей молодостью. Обе они так и остались незамужними, деля друг с другом лишь пустые вечера и взаимные жалобы.

— Посмотри на этих мамаш, — проворчала Карина, затягиваясь сигаретой. — Рожают и рожают. Никакой личной жизни, никакого саморазвития. Опустившиеся женщины.

— И не говори, — вздохнула Кристина, поправляя шарф. — Вся жизнь в кастрюлях и пеленках. Кошмар.

Вдруг со стороны детской площадки послышался весёлый гул. К фонтану приближалась большая, невероятно красивая группа людей. Впереди шёл высокий, крепкий мужчина с открытым, добрым лицом и тёплыми зелёными глазами. Он держал за руки двух маленьких трёхлетних мальчиков-близнецов, которые наперебой что-то лепетали.

Рядом с ним шла женщина. Её русые волосы мягкими волнами падали на плечи, а каштановые глаза светились таким глубоким, безмятежным счастьем, что люди невольно оборачивались ей вслед.

На её лице не было дорогих филлеров или тонны макияжа, но она выглядела потрясающе молодой и ухоженной. За ними, весело переговариваясь, шла целая стайка детей: двое высоких парней-подростков, три девочки с такими же чуткими глазами, как у матери, и смышлёный первоклашка, бережно несущий пойманного майского жука в коробке.

Один из близнецов споткнулся и выронил из рук плюшевого зайца. Игрушка покатилась прямо к ногам Кристины.

Женщина обернулась, мягко улыбнувшись малышу:

— Ромочка, аккуратнее, солнышко.

Она наклонилась, подняла зайца и... застыла. Прямо перед ней на скамейке сидели Карина и Кристина.

В воздухе повисла звенящая тишина. Подруги смотрели на неё, открыв рты. Перед ними стояла Алёна. Её зубы давно были исправлены — ровные, белые, они открывали миру улыбку удивительной красоты. Но поразило их не это. От Алёны исходила такая осязаемая, мощная волна любви и защищённости, какую невозможно подделать.

— Алёна?.. — первой хрипло выдавила Кристина. Она судорожно вцепилась в свою сумку. — Это... это ты?

— Привет, девочки, — тихо и очень мягко сказала Алёна. В её голосе не было ни капли триумфа или злорадства. Только искреннее удивление от встречи.

Мужчина тут же подошёл ближе, бережно положив руку Алёне на талию, словно ограждая её от всего мира.

— Всё хорошо, любимая? — спросил он, и в его голосе было столько нежности, что Карину изнутри обожгла глухая, страшная зависть.

— Да, Миш, всё хорошо. Это мои школьные одноклассницы. Знакомься. А это, девочки, мой муж Михаил. И... наше богатство.

— Это что... всё ваши? — Карина наконец подала голос, её безупречный тон дал трещину. Она смотрела на восьмерых детей, которые с уважением и любопытством разглядывали взрослых. — Все восемь?

— Да, все наши, — улыбнулся Михаил, прижав к себе старшую дочку. — Пять сыновей и три дочки. Наша гордость.

— Но как же... а как же ты? Твоё время? Твоя жизнь? — Кристина почти умоляюще смотрела на Алёну, словно ждала, что та сейчас признается, как ей плохо и тяжело. — Это же... это же крест на себе! Ты ведь, наверное, с ума сходишь в этой рутине?

Алёна посмотрела на своих детей. Старший сын в этот момент поправлял куртку младшему, а дочки о чём-то тихо шептались, улыбаясь матери. Алёна снова повернулась к скамейке. Её улыбка была светлой и спокойной.

— Знаете, девочки... Меня в детстве часто пугали одиночеством. Говорили, что я никому не буду нужна. И я так сильно этого боялась, что когда встретила Мишу, поняла: дом должен быть полным. В нашей семье рутины нет, потому что каждый день наполнен смыслом. Когда тебя обнимают шестнадцать детских рук... поверьте, это не крест. Это самое большое благословение, какое только может быть у женщины.

Карина молча смотрела на свои ухоженные, дорогие туфли. Ей вдруг стало невыносимо стыдно за те слова в школьном туалете. «Брак», «первый сорт»... Кто из них двоих оказался браком теперь, в этой пустой, холодной осени?

— Нам пора, — мягко сказал Михаил, посмотрев на часы. — Мы обещали ребятам устроить большой пикник с пирогами. Рады были повидаться.

— Да, девочки, удачи вам. Рада была увидеть, что вы всё так же вместе, — искренне произнесла Алёна.

Большая семья двинулась дальше по аллее. Младший Ромка обернулся и весело помахал женщинам ручкой. Михаил что-то тихо сказал Алёне, и она доверчиво прижалась к его плечу, тихо рассмеявшись. Их голоса и смех постепенно растворялись в шуме осеннего парка.

Карина медленно достала из пачки еще одну сигарету, но зажигалка никак не загоралась в её дрожащих пальцах.

— Восемь детей... — прошептала Кристина, и по её щеке, размывая дорогую тушь, поползла слеза. — Карин... помнишь, как мы над ней смеялись? А её муж... он ведь на неё как на святую смотрит.

Карина ничего не ответила.

Она подняла воротник пальто, пытаясь защититься от внезапно налетевшего ледяного ветра, но понимала, что этот холод идёт изнутри — из её собственной, безупречно спланированной, но абсолютно пустой и одинокой жизни.

Мнимая шизофрения

Фото: freepik

В квартире пахло подгоревшим луком и сыростью. Алина сидела на старом продавленном диване, поджав ноги, и смотрела на мать. Галина уснула прямо за кухонным столом, положив голову на клеёнку рядом с пустой бутылкой. В свои двадцать два года Алина понимала: из этой дыры её никто не вытащит.

Работа продавцом в круглосуточном продуктовом приносила копейки, которые тут же уходили на коммуналку и мамины запои.

Идея пришла поздно вечером. У подъезда соседка бурно обсуждала племянника:

— Представляешь, работать не работает, ходит, сам с собой разговаривает. Так ему за это государство деньги платит! Инвалидность по дурке оформили, капает копеечка каждый месяц, и горя не знает!

«Деньги от государства просто так», — эта мысль засела в голове. Весь следующий месяц Алина провела на форумах. Читала медицинские справочники, изучала симптомы настоящих пациентов психиатрических клиник и смотрела видео с разборами диагнозов. Ей нужен был железобетонный вариант — параноидная шизофрения. Заболевание, которое нельзя опровергнуть анализами крови и томографией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.